

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Эм

Экономическая история за неделю 4

Медведев М. Ю.

Волшебная бухгалтерия..... 90

Ирина Гарифуллина

Бухгалтерские пародии 176

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗА НЕДЕЛЮ

Предисловие

Уважаемые дети!

Вам, разумеется, известно, что Робинзон — герой знаменитого романа английского писателя Даниэля Дефо. Робинзон попадает на необитаемый остров, где с ним случается множество увлекательных происшествий. Книга о Робинзоне приобрела такую популярность, что примеру Даниэля Дефо последовали другие писатели, которые стали отправлять своих героев на необитаемые острова. Скоро в мировом океане не осталось необитаемых островов, не заселенных литературными Робинзонами. Какую книгу не откроешь, первым делом видишь необитаемый остров с пальмой посередине и маленькую человеческую фигурку, призывно размахивающую руками.

Такие книги — о людях, попавших на необитаемый остров, — стали называть робинзонадами. Самой удачной робинзонадой в мировой литературе — после «Робинзона Крузо», разумеется, — стал роман французского писателя Жюль Верна «Таинственный остров». Вы его наверняка читали... ну, просто обязаны были прочитать, а если еще не прочитали, немедленно пойдите и библиотеку и прочитайте. Очень интересная книга, честное слово.

Казалось бы, сочинять «робинзонады» после Даниэля Дефо и Жюль Верна нет никакого смысла — все равно лучше не напишешь, — однако вошедшие в раж писатели не унимались. Отчаявшись создать более значительное литературное произведение, они дошли до того, что принялись сочинять в форме робинзонад экономические трактаты. То есть они помещали героя на необитаемый остров и начинали следить за тем, как бедняга выкручивается из сложных жизненных ситуаций — таким способом авторы демонстрировали действие своих экономических теорий. Хотя в этом имелся определенный резон: Даниэль Дефо, помимо того что был писателем, был еще и опытным экономистом, так что помещать героя на необитаемый остров — прихоть, конечно, экономическая.

Я по примеру прославленных коллег тоже решил отправить героя на необитаемый остров. Но то ли автором я оказался неопытным, то ли мой Робинзон в сравнении с их Робинзонами имел чересчур самостоятельный характер, но учебника как-то не получилось. Получилась веселая книжка о том, какие

тяжелые мысли одолевают Робинзона на его необитаемом острове, какие трудности приходится ему преодолевать и как понемногу, кирпичик за кирпичиком, выстраивается на необитаемом острове причудливый экономический мир.

Прочитайте сами, что у меня получилось...

День первый

Кораблекрушение. — Хорошо, что надувные матрасы умеют плавать. — Необитаемый остров. — В поисках места для ночлега и поисках пищи. — Съедобные раковины на побережье. — Что такое натуральное хозяйство? — Туземцы. — Взаимовыгодный экономический обмен.

Большинство людей не подозревает, откуда в холодильнике берется еда, почему нельзя бросать мимо урны конфетные обертки и кто платит за бесплатные полиэтиленовые пакеты в супермаркете. Эти люди пользуются благами цивилизации, не задаваясь вопросом, каким образом блага человечеству достаются — но ровно до тех пор, пока не окажутся предоставлены сами себе. Тут-то им и приходится поломать голову над важными хозяйственными мелочами, над которыми они раньше и не задумались бы.

— Стюард, фруктовый коктейль, пожалуйста! И поживее! — крикнул Робинзон стюарду, как поступал всегда, когда ему чего-нибудь хотелось.

Стюард — это официант на корабле. Из того, что Робинзон позвал стюарда, а не простого официанта, вы можете заключить, что Робинзон находился на корабле. И это будет совершеннейшей правдой, потому что Робинзон действительно находился на палубе корабля — огромного океанского лайнера, плывущего посреди бескрайнего океана. А из того, что на корабле находился Робинзон, а не кто-нибудь еще — допустим, Иванов или Сидоров, — вы можете догадаться, что вскоре он окажется на необитаемом острове. Хотя об этом уже говорилось в предисловии.

Стюард — воплощенная любезность — исполнил заказ, и развалившийся на надувном матрасе Робинзон принялся потягивать из соломинки коктейль из свежих тропических фруктов, какие в изобилии имелись в судовом буфете.

В этот момент — сразу после того, как стюард подал заказанный Робинзоном фруктовый коктейль, — на горизонте подозрительно потемнело. Если быть точным, сначала на горизонте возникла тоненькая фиолетовая полоска, на которую никто из пассажиров океанского лайнера не обратил внимания. Вскоре фиолетовая полоска стала потолще и погуще. Через некоторое время она разрослась настолько, что стало заметно: полоска на горизонте состоит из клубящихся туч и посверкивающих древовидных молний. При этом полоска быстро приближалась в направлении судна.

— Буря, надвигается буря! — провидчески объявил капитан.

Вняв капитанскому предупреждению, судовая команда очнулась и забегала туда-сюда. Робинзон видел, как мимо него проносится стюард, уже не казавшийся воплощенной любезностью, а боцман стаскивает с бельевой веревки развешенные для просушки подштанники.

— Спустить бом-брамселя! Проверить помпы! Укрепить пакетботы! — слышались со всех сторон выкрики озабоченных матросов.

Возможно, матросы кричали что-то другое, я точно не знаю: никогда не имел дела ни с бом-брамселями, ни с пакетботами. И Робинзон тоже не имел с ними дел, поэтому нимало не встревожился. Он пребывал в абсолютной уверенности, что лайнер — такой большой! такой океанский! такой непотопляемый! — доставит его к месту назначения невзирая ни на какую непогоду, поэтому продолжал лежать на надувном матрасе, потягивая из трубочки фруктовый напиток.

Между тем фиолетовый цвет заполнил полнеба. Изредка из небесной мути выскакивали пламенные зигзаги, и по прошествии минуты до людей доносился адский грохот.

Смущенный происходящим, Робинзон решил все-таки спуститься в каюту переждать непогоду. Увы, он не успел даже приподняться со своего надувного матраса! Первый же обрушившийся на людей ураганный шквал не только унес надувной матрас с Робинзоном в открытый океан, но и закрутил океанский лайнер как щепку, второй ураганный шквал обломал на лайнере мачты и снес палубные надстройки, включая кабинки для переодевания и барные стойки, третий ураганный шквал переломил могучую посудину надвое и был таков. Краем глаза Робинзону удалось заметить, как расколотый надвое океанский лайнер, гордость океанского флота, камнем идет на дно, оставляя над собой крутящуюся пенную воронку. В эту воронку со непреодолимой силой засасывало вымытые из корабельного буфета тарелки, а также пассажиров, тщетно пытающихся противиться разбушевавшейся стихии.

Так Робинзон остался с океаном один на один.

Положение было отчаянным, но наш герой не пал духом, а, взбадривая себя мыслью о том, что и этот кошмар когда-нибудь закончится, продолжал потягивать фруктовый коктейль, в то время как его надувной матрас несло по гребням волн со скоростью экспресса. Сладкий напиток захлестывало соленой морской водой, соломенная трубочка едва не переламывалась под напором ветра, однако Робинзон продолжал лежать на надувном матрасе, потягивая коктейль и надеясь, что кто-нибудь о нем позаботится. Должен же был кто-нибудь о нем позаботиться, в самом деле?! Например, команда океанского лайнера, обязанная доставить каждого пассажира к месту назначения.

Так думал Робинзон, поэтому не слишком удивился, когда его надувной матрас вынесло на какой-то остров, протащило по песку еще добрые полсотни метров и там, в относительной безопасности от бушующих волн, оставило.

Продолжая полеживать на надувном матрасе с бокалом коктейля в руке, измученный перенесенными испытаниями Робинзон на минуту смежил веки,

а когда открыл их, ветер почти утих, сквозь поредевшие тучи проглянуло солнце, а небесный свод вновь сделался пронзительно-лазоревым, словно никакого кораблекрушения не было.

— Стюард, еще один коктейль и сухое полотенце! — бросил Робинзон в пространство.

Никто, конечно, не появился.

— Стюард, вы что, оглохли? Что за дела?! — крикнул Робинзон во второй раз, а чтобы его наверняка услышали, трижды прохлопал в ладоши.

Никто к нему по-прежнему не подошел.

Раздосадованный Робинзону подумал, что на разгильдяя-стюарда следует пожаловаться капитану, но потом сообразил, что капитан канул в той же морской пучине, что и остальные члены экипажа, включая стюарда, так что жаловаться оказалось не на кого и некому.

Укоризненно покачав головой по поводу такого невезения, Робинзон поднялся с надувного матраса и решительно направился в каюту, чтобы умыться и как следует выспаться. Не тут-то было! Каюты у Робинзона тоже не было — у него не было буквально ничего! Все, что у Робинзона осталось, это надувной матрас и бокал с соломенной трубочкой из-под коктейля: остальные блага цивилизации, которыми он настолько привык пользоваться, что попросту не замечал, канули в прошлое. Кораблекрушение произошло слишком уж неожиданно, когда он меньше всего ожидал. Так обычно случается: только-только устроиться на диване, или нальешь себе чашку горячего чая со сливовым вареньем, или просто вздохнешь с облегчением — как, мол, замечательно жить на белом свете, когда текущие дела позади, — как тут такое начинает твориться... или на месте аппендицита почувствуешь дергающие боли, или трубу отопления у соседей этажом выше прорвет, в крайнем случае окажешься в эпицентре небольшого землетрясения. Не успеешь насладиться спокойствием, как спокойствия не бывало.

Тут-то до Робинзона дошел ужас произошедшего. Он оказался совершенно один на необитаемом острове, и куда ему было податься? Податься было совершенно некуда, поэтому приходилось рассчитывать на собственные силы. Для того, чтобы выжить, следовало, не мешкая приступить к строительству на необитаемом острове экономики.

А вы, уважаемые дети, знаете, что такое ЭКОНОМИКА? В переводе с древнегреческого экономика означает «ведение хозяйства».

Для Робинзона построить экономику означало: завести какое-никакое хозяйство, — а какое хозяйство мог завести на необитаемом острове джентльмен с затонувшего судна, в одних плавках и соломенной трубочкой от коктейля в руке? Робинзон не имел об этом ни малейшего представления. Он и о самой-то экономике слышал мельком, но подумал:

«Кто его знает, какие холодные ночи бывают на необитаемом острове?»

Подумав так, Робинзон решил обзавестись какой-нибудь, кроме купального костюма, одеждой, а еще найти, где переночевать. Побережье выглядело

малопригодным для ночлега, а хлопать в ладоши, призывая стюарда, было совершенно бесполезно — в этом он уже убедился.

Приняв решение, Робинзон окончательно покинул надувной матрас и нарвал широких и плотных листьев неизвестного ему местного кустарника. По краям широких листьев кустарника проходил ряд острых загнутых шипов, поэтому листья легко сцеплялись друг с другом. Из этих листьев Робинзон скроил себе что-то наподобие рубашки и штанов, а чтобы одежда держалась на теле, отломал длинный кусок свисающей с дерева лианы и обмотался им вместо ремня.

Существенно таким способом утепившись, Робинзон сдул надувной матрас, скатал в трубочку и сунул себе подмышку, после чего углубился в непроходимые джунгли, которым зарос его необитаемый остров.

В поисках подходящего места для ночлега Робинзон бесстрашно пробирался все глубже и глубже в незнакомый лес. Местность понемногу повышалась. То и дело между деревьев начали попадаться каменные валуны, создававшие вполне себе уютные местечки — но, по мнению Робинзона, все же недостаточные уютные для того, чтобы назвать их ночлегом.

Вскоре перед путником предстала скалистая гряда, в которой — о, радость! — обнаружились вместительные углубления. Это были самые настоящие пещеры, пригодные для того, чтобы в них ночевать и укрываться от непогоды. Ну разумеется, пещеры не шли ни в какое сравнение с оборудованными на океанском лайнере каютами! В прежней робинзоновой каюте находилась койка, застеленная свежими бельевыми принадлежностями, и платяной шкафчик, в котором можно было хранить одежду, имелось даже специальное место для пассажирского чемодана, с высокими поручнями, чтобы чемодан не свалился на голову пассажира по время качки. А еще в каюте уютного океанского лайнера были стены, пол и потолок — все из крепких струганных досок, таких теплых в сравнении с холодными каменными стенами пещеры. Но делать было нечего: приходилось довольствоваться теми стенами, какие имелись в текущий момент в распоряжении... то есть каменными.

«Зато пещера не раскачивается», — подумал Робинзон стоически, не в том смысле, что подумал об этом стоя, а в том, что подумал с мудрой улыбкой, какой улыбался древнегреческий стоик Зенон, учивший переносить испытания с мужеством и терпением.

Еще раз вздохнув, он — Робинзон, разумеется, а не стоик Зенон, который давно умер, — выбрал себе пещеру попросторней, кинул в угол сдутый надувной матрас и, окончательно смирившись со своим новым жилищем, принялся размышлять, где бы найти еду. Он принялся размышлять о еде, потому что за время своей лесной прогулки почувствовал сильный голод. По счастью, думать об утолении жажды не приходилось: еще по пути к пещере обнаружилось множество чистых ручейков, из которых Робинзон вволю напился и наполнил пустой бокал. Но пища...

Под требовательную, но незамысловатую мелодию, доносившуюся из пустого желудка, Робинзон вышел из пещеры и налегке направился в поисках пищи куда глаза глядят. Он обязан был отыскать пищу, потому что еще ни одному Робинзону в мире не удавалось выжить на необитаемом острове без запасов пищи — это наш Робинзон знал совершенно точно.

Однако еды почему-то не попадалось.

Большинство людей считает, что если необитаемый остров тропический, то на нем в изобилии должна водиться разная съедобная живность и на каждом шагу произрастать фрукты и овощи. С неба должны слетать непуганые куропатки, из кустов выглядывать филейные кабанчики, а с деревьев свешиваться гроздья спелых абрикосов. Ничего подобного, к сожалению! Робинзон довольно долго пробирался сквозь колючий тропический кустарник, но не смог сорвать ни одной грозди спелых абрикосов, не говоря уже о том, что не встретил непуганых куропаток и филейных кабанчиков, хотя, высматривая их, сильно расцарапал кожу о колючий кустарник. Колючего кустарника на тропическом острове было завались, а вот спелых абрикосов и филейных кабанчиков — по крайней мере, на первый взгляд, — не наблюдалось.

Полный сомнений по поводу того, водятся ли вообще на его необитаемом острове филейные кабанчики, а если водятся, возможно ли их добыть, Робинзон шел, шел и шел по густому тропическому лесу, пока не уперся в морское побережье.

Волны накатывали на песчаный пляж, на котором не было ничего говорящего о наличии цивилизации. Ни одного пассажирского чемодана, ни одной банки с консервированными ананасами, которые были сложены красивыми пирамидками в корабельном буфете, не возвратил океан из бездонных пучин. Все песчаное побережье, насколько хватало зрения, было девственно-желтым, усеянном белыми, высушенными на солнце раковинами.

«Неужели мне, единственному спасшемуся в кораблекрушении, суждено умереть с голоду? И где, на каком-то необитаемом острове?» — подумалось в тот момент Робинзону.

Голодная смерть казалась неминуемой.

С содроганием в душе — ибо он совсем недавно и с таким превеликим трудом выбрался из бушующих волн на берег, — Робинзон разделся и зашел в океан по пояс, мысля выловить себе на обед что-нибудь рыбное.

Рыб в океане водилось предостаточно. Рыбы, и самые разные — желтые, красные, пестрые, большие и малые, — вились в хороводе вокруг Робинзона, чуть ли не дотрагиваясь до него своими молчаливыми ртами, но когда Робинзон протягивал руки, морская живность лениво и немножко небрежно, можно сказать насмешливо, отклонялась в сторону. Рыбы даже не уплывали прочь, а продолжали крутиться вокруг голодного, раздосадованного неудачей Робинзона.

Поняв, что в этой столовой рыбного блюда не подадут, Робинзон вышел из океана на берег и в изнеможении опустился на влажный песок. К горлу подступил отвратительный голодный комок.

Обозленный увертливостью рыб, не желавших послужить ему обедом, Робинзон зачерпнул горсть раковин, валявшихся поблизости, и что есть силы сжал их в кулаке. Пустые раковины хрустнули и затрещали. Из одной раковины, оказавшейся полной, в лицо Робинзону ударил пахучий сок моллюска. Таких моллюсков частенько подавали на завтрак в кают-компании, причем раскрывать их плотно сжатые створки полагалось специально предназначенными для этого плоскозубцами. В ресторанах моллюсков употребляли в пищу сырыми, сдабривая соком лимона и посыпая пряными индийскими специями... Однако на голодный желудок и это сгодилось.

Робинзон с жадностью проглотил моллюска.

Для утоления голода крохотного животного оказалось недостаточно, поэтому Робинзон принялся хватать с песка другие раковины, в попытке найти несколько полных — прошло немало времени, прежде чем ему это удалось. Немного насытившись, Робинзон оглянулся на дело рук своих и увидел истоптанный на несколько сотен метров пляж и раздавленные пустые раковины, грудями разбросанные по песку там и сям. И это после того, как на океанском лайнере для получения аппетитных, сложенных по периметру тарелки моллюсков, требовалось вполголоса произнести:

— Стюард, завтрак, пожалуйста!

И тарелка с моллюсками оказывалась перед твоим носом как по мановению ока.

«Так жить нельзя, — подумал содрогнувшийся и снова уже проголодавшийся Робинзон. — Не могу же я только тем и заниматься, что сутками бродить по пляжу в поисках раковин? Интересно, сколько приходится полных раковин на тонну пустых? Я так все побережье перекопаю! Нет, надо что-то срочно предпринимать, а то с этим **НАТУРАЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ** недолго и ноги протянуть».

Робинзон в сердцах упомянул натуральное хозяйство, и упомянул его совершенно правильно, ибо «натура» переводится с латыни как «природа». Таким образом, натуральное — это такое хозяйство, которое ведется на природе, без всякой со стороны соплеменников помощи. Именно такое хозяйство — подобно древним людям, которые тоже не слишком роскошествовали, перебиваясь разными случайными находками вроде съедобных моллюсков или корешков, — и вел Робинзон в первые часы своего пребывания на необитаемом острове.

Он занимался этим не менее двух или трех часов, а натуральное хозяйство никак не могло обеспечить привычного ему уровня питания и комфорта. Чувствовалось: пора — ох, пора! — с натуральным хозяйством завязывать и переходить к более прогрессивным стадиям экономического развития... вот только каким? Робинзон понятия не имел. Он и натуральное хозяйство упомянул

случайно — просто с языка сорвалось, — однако на обратном пути в пещеру обнаружил новые и, надо сказать, весьма привлекательные возможности экономического развития.

Случилось это так.

Понимая, что путь от пещеры до побережья неблизкий, а аппетит по утрам волчий, Робинзон решил еще немного помучиться и насобирать съедобных моллюсков на завтрак: чтобы утром с голодухи не помереть. За пару часов он насобиравал пригоршню. За робинзоновой спиной по прибрежной полоске пляжа оставался истоптанный и изрытый песок, как будто экскаватор прошелся по песку своими тяжелыми гусеницами, но что было поделывать?! Натуральное хозяйство на то и натуральное, чтобы добывать пищу в поте лица своего.

Сложив найденные раковины с моллюсками в вогнутый лист тропического лопуха, сорванного тут же, у пляжа, Робинзон зашпешил в пещеру, а поскольку шел к побережью не самым коротким путем, решил сократить дорогу. Наметив приблизительное направление, он бодро зашагал по тропическому лесу, держа лопушиный лист с раковинами на вытянутых руках, чтобы не растерять завтрак. Он шел и наслаждался относительной сытостью и безопасностью. Совсем недавно Робинзону угрожало утопление в океанских пучинах, угрожала голодная смерть на необитаемом острове, но он благополучно выбрался из пучин, спасся от голодной смерти и намерен был продолжить хозяйствовать на своем необитаемом острове и завтра.

Робинзон совсем замечтался. Ему, хотя живот сводило при этом протестующими спазмами, уже грезились горы съедобных моллюсков, которые он завтра насобиравает на побережье. И пусть съедобные моллюски не политы лимонным соком и не посыпаны специями, как полагается в цивилизованном мире, все равно, как радостно и приятно наслаждаться плодами своего, пусть и не очень эффективного в условиях натурального хозяйства, труда!

До домашней пещеры оставались какие-то пустыки, как вдруг...

Робинзон, держа лист с раковинами на вытянутых руках и предвкушая первую ночевку в пещере, обогнул дерево с множеством свисающих сверху корней, как вдруг столкнулся с группой каких-то густо раскрашенных людей — туземцев, не иначе, — которые вышли из-за дерева и при виде Робинзона тоже остолбенели. Так, в полном остолбенении, столкнувшиеся нос к носу Робинзон и туземцы смотрели друг на друга, не решаясь что-либо предпринять.

«Ни фиги себе необитаемый остров!» — мелькнула у Робинзона первая и единственная на тот момент мысль.

Вероятно, то же самое подумали и туземцы, потому что на их лицах отобразилось не меньшее удивление.

И тут Робинзон заметил, что у одного из туземцев заливчатски перекинута через плечо большая — прямо-таки неприлично большая! — гроздь бананов.

В тот момент, когда Робинзон увидел банановую гроздь на плече туземца, робинзонов желудок, тоже обративший внимание на бананы и по-своему от-

реагировавший, издал восторженное восклицание. Какое-то время Робинзон и его желудок не могли думать ни о чем, кроме грозди бананов на раскрашенном туземном плече. Робинзон пытался просверлить эти неожиданные бананы взглядом, воображая, какая у бананов внутри, под мягкой кожурой, аппетитная начинка, и чем больше он воображал себе эту бледно-желтую аппетитную начинку, тем более восторженные восклицания издавал его не удовлетворенный сырыми моллюсками желудок.

Весь поглощенный мыслями о бананах, Робинзон подзабыл о туземцах и вспомнил о них только тогда, когда один из туземцев, тыча пальцем в его сторону, закричал:

— *Куки-наки!*

Этот вопль можно было бы расценить по-разному — например, как призыв съесть заблудившегося белого человека живьем, — но Робинзон был настолько поглощен созерцанием бананов, что не успел испугаться.

— *Куки-наки! Куки-наки!* — поддержали первого остальные туземцы, вытягивая в направлении Робинзона указательные пальцы, и из их круглых, как волейбольные мячи, животов раздалась мелодия, очень похожая на звучавшую из живота Робинзона.

И тут Робинзон, как ни был занят созерцанием грозди бананов, заметил: туземцы показывают не столько на него самого, сколько на вогнутый лист лопуха, в котором были сложены приготовленные на завтрак моллюски и который Робинзон продолжал держать на вытянутых руках.

— *Куки-наки! Куки-наки!* — продолжали приговаривать туземцы, облизываясь.

— Это съедобные морские моллюски, — неуверенно выговорил Робинзон и встряхнул лист, отчего раковины, полные живых моллюсков, зазвенели друг о друга колокольчиками.

— *Куки-наки!* Ням, Ням... — продолжали облизываться туземцы.

— Бананы, — кивнул в сторону банановой грозди Робинзон, начавший что-то соображать.

— А, *Бона-мона*, — пренебрежительно отмахнулись от банановой грозди ее владельцы. — *Куки-наки поругадо бо!*

Робинзон не мог точно знать, что такое *куки-наки* и насколько они *поругадо бо*. Он вообще не разобрал в странном туземном наречии ни слова, но догадался: у туземцев моллюски ценятся гораздо больше бананов. Вероятно, туземцы жили на другой стороне необитаемого острова, где произрастало много бананов, а вот моллюсков не водилось, поэтому моллюски и ценились у туземцев больше бананов. Точно так у цивилизованных народов черная икра ценится намного больше селедки, хотя по вкусу они довольно похожи. И почему, спрашивается, все так мечтают попробовать меленькой и полузасохшей черной икры, которой тебе родители и на бутерброд-то как следует намазать не позволят, и совершенно не радуются, когда на стол подают большую и жирную, хорошо пригото-

ленную селедку? Только по той причине, что селедку может попробовать любой желающий, а вот попробовать черной икры — далеко не каждый.

Сообразив, что туземцы не против того, чтобы отдегустировать набранных им моллюсков, Робинзон заулыбался во весь рот:

— Моллюски!

— *Куки-наки!* Моллюски! — подтвердили облизывающиеся туземцы.

Тогда Робинзон, указывая на гроздь таких спелых, таких привлекательных для него бананов, продолжающую как ни в чем не бывало висеть на туземном плече, вновь прокричал:

— Бананы! *Куки-наки!* Меняю мои *куки-наки* на ваши *бона-мона*. Ну так что, по рукам?

Туземцы поняли и на секунду сгрудились.

— *Куки-наки! Бона-мона! Поругадо бо! Но момунто!* — послышались из толпы оживленные, что-то обсуждающие голоса.

Видимо, кулинарные свойства морских моллюсков ценились местной кухней чрезвычайно высоко, потому что решение было принято незамедлительно. Раскрашенная толпа развалилась на составные части, и к ногам Робинзона пала сочная гроздь, а Робинзон в свою очередь передал туземцам лист лопуха с моллюсками.

— *Куки-наки!* — проорали туземцы в восторге.

— Друзья! — подхватил Робинзон.

— *Борботуро!* — воскликнули туземцы и бросились к Робинзону обниматься.

Они еще долго терлись щеками и хлопали друг о дружку по бокам, пытаясь выразить совершенное удовлетворение, полученное сторонами от состоявшейся сделки.

Однако солнце начинало клониться к закату. Робинзон и не заметил, как первый день его пребывания на необитаемом острове подошел к концу. Надо было поспешить в домашнюю пещеру — если, конечно, Робинзон не хотел заночевать в девственном лесу, а этого Робинзон, понятное дело, не хотел. По всей видимости, туземцы тоже намеревались добраться до места ночевки за светом, поэтому, еще раз похлопав противоположную сторону по доступным частям тела, все разошлись довольные: Робинзон — со связкой бананов на плече, радостно гомонящие туземцы — с завернутыми в лист тропического лопуха морскими моллюсками.

Добравшись до домашней пещеры, Робинзон с наслаждением отломил от грозди самый большой и спелый банан. Живот издал последний нетерпеливый звук и быстро замолк, когда кусок банана скатился вниз по пищеводу. О, какое наслаждение! Тропические бананы оказались намного вкусней и питательней сырых моллюсков — тем более что моллюсков, не политых лимонным соком и посыпанных пряными специями.

До самой полночи Робинзон кушал бананы и мечтал о том, как завтра наберет на побережье как можно больше моллюсков и обменяет их на бананы,